

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Рабочая комната Бориса Петровича Чиркова напоминает кабинет писателя или ученого: артист живет и работает в окружении книг своей библиотеки. И наша встреча с ним началась с разговора о книгах — и о тех, что составляют блистательную коллекцию Чиркова-книголюба, и о тех, что написал он сам.

— Конечно, я очень предан своей актерской профессии, но тем не менее считаю, что самое интересное занятие на земле — это писать книги, — говорит Борис Петрович. — Выше профессии писателя для меня нет ничего. И то, что я хоть в какой-то мере прикоснулся к литературному труду, для меня большая радость.

В своих книжках я рассказал о моей актерской профессии, о том, как родился мой главный образ питерского паренька, большевика Максима, о моих поездках, встречах, — словом, о времени, в которое жил и работал. Эти странички-«минутки», какие-то штрихи к событиям прошлых лет, думаю, небезынтересны сегодняшнему читателю.

И вот опять мне нежится: затеял писать новую книжку. Она — о песне.

— Почему именно о песне?

— Дело в том, что я родился и жил в «песенных» краях —

в Вятской губернии и буквально с детских лет влюбился в песню. Многие мои работы в звуковом кинематографе сопровождались песнями. Причем очень часто они предлагались мною. Так было, в частности, и с песней «Крутится, вертится шар голубой», которую распевает мой Максим. И вот я подумал: ведь те песни, которые я когда-то знал и которые теперь позабылись, несомненно, представляют интерес и до сих пор. У каждой из них интересная «биография». Я решил не просто собрать эти песни, а рассказать их историю, при каких обстоятельствах я с ними познакомился. Получились маленькие новеллы. Уже набралось примерно 120 песен.

На поздравления от имени редакции с 80-летием Борис Петрович, улыбаясь, сказал:

— Спасибо, конечно. Только я пока отмечать эту дату не собираюсь. Вот осенью состоится премьера в Театре имени Гоголя — пьеса французского драматурга Ануя «Птички», очень острое, публицистическое произведение, где я играю центральную роль, — этим и отмечу свой юбилей...

Ну что ж, подождем до премьеры, в которой мы увидим Чиркова-артиста. А пока предлагаем читателям две небольшие истории из будущей книги Бориса Чиркова-литератора.

Валентина ЖЕГИС.

КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

БЫЛО у меня такое счастливое время, когда после роли, сыгранной в кино, стали меня наперебой приглашать сниматься в кинофильмах. Я, конечно, радовался этому, но...

Огорчало, что все персонажи, которые мне предлагали изобразить, были в общем-то повторением моего героя — Максима.

Мне это не нравилось потому, что я считал себя не типажом, а актером, который может и должен изображать людей разных, а не просто повторять то, что уже сделал однажды. В общем, настроение у меня было неважное, и я раздумывал, как же мне вырваться из этого заколдованного круга типажных ролей... И вдруг неожиданно раздался телефонный звонок из Киева:

— Говорит режиссер Луков. Я начинаю снимать фильм по роману Всеволода Иванова «Пархоменко» и предлагаю вам роль Махно...

— Кого?

— Махно... Батки Махно!

Вот уж чего я не ждал, так не ждал. Вот оно — исполнение желаний! Я даже не стал спрашивать, как это могло ему прийти в голову. Я понял главное, что этот режиссер считает меня актером, что он готов вместе со мной провести рискованный эксперимент.

Не собираюсь рассказывать о том, как шла работа над фильмом, хотя судьба у него была нелегкая: съемки начались за четыре месяца до начала войны. Конечно, все потрясения этого года за-

тянули и усложняли съемки фильма. Но у меня-то были еще и особые сложности: как справиться с новой, непривычной для меня ролью? Я хоть и стремился к изображению разных характеров, но уж очень все-таки велика была дистанция. Я старательно работал над своей ролью — читал все, что относилось к эпохе гражданской войны на юге, беседовал с участниками ее, а как-то довелось говорить с человеком, который несколько раз видел живого Махно. Думал неотвязно о новом своем персонаже, о том, как ярче и правдивее представить душевный мир Махно, как раскрыть жестокость, трусливость, желание разбогатеть этого злобного, но, безусловно, талантливого врага нашего государства. Показать всю его черную душонку и в то же время нарисовать не схему, а живого, страшного человека. Среди всех его злодейских деяний надо было найти какие-то минуты его одинокого раздумья о жизни, о том, что его ждет, оставить его наедине с самим собою, чтобы он был открыт и обнажен до самой глубины своего существа.

И вот бессонная ночь, когда Махно терзается сомнениями — идти ли за награжденными сокровищами или лучше остережись, затанцевать. Но как изобразить это его душевное смятение? Произнести монолог, в котором описать его терзания? Это уж очень театрально, условно.

Показать крупным планом его лицо, на котором отразилось то, что он сейчас пере-

живает? Нет, этого недостаточно.

Вместо всего этого я предложил режиссеру и автору песню. Песню, в которой Махно как бы разговаривает сам с собой, в то время как его сообщники спят беспокойным сном.

Песню эту я когда-то прочел в книге о гражданской войне, и она мне запомнилась, а мотив, уж так мне повезло, услышал от своего приятеля, который знал только один куплет.

В общем, и Лукову, и Всеволоду Иванову и моему предложению мое, и песня понравились, и в фильме появилась новая сцена у Махно.

И если роль у меня получилась, так помогла мне в этом песня.

А ЭТО даже не песня. Это всего одна фраза из нее, которая не имеет конца. А дело было так: в самом начале тридцатых годов Козинцев и Трауберг затеяли поставить фильм. Сценарий назывался «Путешествие в СССР», написал его молодой тогда драматург Николай Погодин.

Это был рассказ о том, как артель строителей, в основном скотливый еще в дореволюционные годы, предлагает свои услуги на сооружении большого объекта. Но с условием, что они не участвуют ни в каких социалистических соревнованиях, а работают сами по себе на выделенном им участке. Их принимают на работу. Дальше в сценарии рассказывалось о том, как меняется психология этих людей, как они в конце концов ста-

новятся частью всего огромного коллектива рабочих, занятого на строительстве.

«Артель» эту нашу режиссеры сколотили из разного народа. Было нас человек двенадцать. Один бывший борец по фамилии Горюничий — огромного двухметрового роста. Суровый, хозяйственный.

Около него всегда держался тихонький, плутоватый старичок, какой-то незадачливый колхозник. Были в нашей артели и трое здоровенных мужиков — из грузиков. Группу актеров возглавлял Михаил Михайлович Тарханов, от которого мы, молодые, не отходили ни на шаг.

Нашими товарищами были уже известные тогда Мария Бабанова, Игорь Ильинский, Эраст Гарин, Степан Каюков...

Жаль, что картина не была снята до конца... И зрители не услышали новую, но, увы, так и не законченную музыку Шостаковича.

Впрочем, маленький «opus» остался от его участия в фильме. Это даже не песенка, а музыкальная тема одного из персонажей, которого изображал Степан Каюков. Играл он эдакого рубаху-парня, любившего гулять и похвастаться перед компаньонами.

В нашей группе абсолютно городской мальчик Дмитрий Шостакович меньше всех нас был схож с каюковским героем. Ни обличьем своим, ни тем более характером и душевным своим миром. Худой, близорукий и от этого угловатый, нескладный. Молча-

ливый, скромный. Сидел он между людьми, а сам о чем-то думал, жил чем-то своим, что было в нем, за «душевной дверью», которую он ни перед кем не открывал.

Как я понимал, молодой композитор еще не принимался за музыку для нашего фильма. Он только вчитывался в сценарий, приглядывался к своим товарищам по новой работе.

А Каюкову уже нужна была песня. Съемки начались в степи, на берегу Азовского моря. Здесь, на широком этом раздолье, и должен был прозвучать голос нашего лихого героя.

Прошло несколько дней, и из Ленинграда, куда вернулся Шостакович, в Мариуполь, нынешний город Идманов, прибыла песня. Тут же ее принялись распевать все участники съемки. Для Каюкова песня стала удивительно верным и точным дополнением к характеру его героя. Но как Шостакович, этот до глубины души городской человек, сумел сочинить такую простую, такую деревенскую песню? Только великий талант великого русского, советского художника помог ему в этом.

...Почти полвека минуло с тех пор, а песню эту ни разу не вспомнил ни один человек. Наверное, ее забыли, и я боюсь, что даже в архиве композитора, так же, как и в делах «Ленфильма», она не сохранилась. Поэтому я и решил ее напомнить. Даже и одна строка Дмитрия Шостаковича не должна быть утеряна.

Фото В. Кузнецова.